

Д. Х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

44

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

1958

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

№ 6

И Ю Н Ь

1958 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

- Ф. Л. Александров, М. З. Ольховский — Партия большевиков во главе борьбы пролетариата России за восьмичасовой рабочий день (1912—1917 гг.) 3
- И. П. Остапенко, Ю. В. Воскресенский — Из истории производственных совещаний в промышленности СССР (1926—1932 гг.) 22
- Н. И. Павленко — Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII века 41
- Член политбюро ЦК Компартии Швеции Фритьоф Лагер — Идеология и политика шведской социал-демократии 59
- Р. Ф. Иванов — Борьба негров за землю на юге США после окончания гражданской войны (1865—1870 гг.) 68

СООБЩЕНИЯ

- М. С. Селезнев — О публикации документальных материалов по истории советского общества 86
- О. Ф. Соловьев — К вопросу об отношении царской России к Индии в XIX — начале XX века 96
- И. С. Миславский (Архангельск) — Оборона северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны 110
- А. Л. Монгайт — К вопросу о русско-прибалтийских связях в IX—XIII вв. 120
- Член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский (Горький) — Положение и борьба народных масс Англии в 60-е годы XVII века 129

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

- И. А. Огнетов, В. Н. Федюшова — Статьи по истории в журнале «Ван Шы Дия» (ДРВ) 142
- В. К. Попов — Американский журнал «Current History» в 1957 году 149

История СССР

- А. С. Попов** — «История гражданской войны в СССР» Т. 3. 163
К. В. Сивков — Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк) 171
П. А. Сейранян (Ереван) — Ц. П. Агаян. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году 176

Всеобщая история

- С. Н. Бенклиев** (Воронеж), **С. Я. Лурье** (Львов), **Г. А. Меликишвили** (Тбилиси), **А. М. Осипов**, **Л. С. Переломов**, **Г. Х. Саркисян** (Ереван) — «Всемирная история». Тт. I и II 180

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

- Л. А. Козлова**, **А. Н. Пономарев** — О работе Института истории партии МК и МГК КПСС 191
М. А. Горловский (Свердловск) — Первая межобластная научная конференция по истории Урала 192
Б. Т. Рубцов — Издательский план Соцэкгиза по всеобщей истории 195
Г. К. Владимиров — Новый журнал 198
Хроникальные заметки 200

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

- Член-корреспондент Чехословацкой Академии наук **Йозеф Мацек** — Чехословацкая историческая наука в 1957 году 202
И. Р. Лаврецкий — Обзор литературы по истории Португалии 212
Хроникальные заметки 220

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- И. М. Гранчак** (Ужгород), **Л. А. Коваленко** (Ужгород), **Г. В. Марченко** (Ужгород) — Об изучении истории социалистических стран Европы в высших учебных заведениях 221
-

Николай Иванович Павленко

НАЕМНЫЙ ТРУД В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

В результате дискуссий, проведенных на страницах журнала «Вопросы истории», и опубликования ряда монографических исследований выявились три точки зрения на социально-экономическую природу русской мануфактуры. Некоторые экономисты и историки во главе с акад. С. Г. Струмилиным считают капиталистической мануфактурой любое крупное предприятие, если оно было связано с рынком, а занятые на нем рабочие получали заработную плату. Н. Л. Рубинштейн и ряд других исследователей придерживаются диаметрально противоположного взгляда и относят русскую мануфактуру первой половины XVIII в. к крепостным предприятиям на том основании, что на многих из них применялся труд подневольных работников, а наемные в конечном итоге закрепощались. Однако большинство историков (Е. И. Заозерская, Б. Б. Кафенгауз и др.) признает мануфактуру XVIII в. смешанным, или переходным типом предприятий. В основном на этих предприятиях в различных вариантах сочеталась эксплуатация наемного труда с принудительным. Отметим, что историки, придерживающиеся последней точки зрения, не отрицают наличия и капиталистических мануфактур, число которых было особенно велико в легкой промышленности.

Если для акад. Струмилина состав рабочей силы на мануфактурах не имеет существенного значения при определении ее социально-экономической природы, то сторонники других точек зрения, напротив, берут за основу классификации мануфактур рабочую силу. Отсюда повышенный интерес к изучению различных категорий мануфактурных рабочих: покупных, приписных, отданных по указам и наемных.

Известно, что промышленная статистика XVIII в. носила фискальный характер: статистические отчеты давали сведения не о реальных рабочих, находившихся в различной степени феодальной зависимости от заводовладельца, а о ревизских душах, за которые промышленник нес перед казной фискальную ответственность. Это затрудняет установление числа принудительных рабочих на мануфактурах.

Еще сложнее обстоит дело с наемными работниками. Архивные источники чаще всего не сообщают их числа и не освещают ни организации найма, ни взаимоотношений наемных и промышленников.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть сложившуюся в XVIII в. систему найма в металлургической промышленности России, которую, однако, с достаточной четкостью удастся проследить лишь на материалах второй половины этого столетия. Изучение данной темы важно не только для решения дискуссионного вопроса о социально-экономической природе русской мануфактуры. Она имеет непосредственное отношение и к многим другим проблемам, интересующим историческую науку, таким, как формирование рынка рабочей силы и первоначальное накопление в России.

Степень развития рынка труда, как известно, служит показателем

зрелости в стране капиталистических отношений. Поэтому исследование этого вопроса прежде всего конкретизирует наши представления о развитии капитализма. В прямой связи с проблемой рынка рабочей силы находятся вопросы, выясняющие формы найма. Они также изменялись в определенной последовательности — от купли-продажи, сопровождавшейся закабалением и внеэкономическими методами принуждения, до классических форм найма, присущих зрелому капитализму¹.

В металлургии России, как и в других отраслях промышленности второй половины XVIII в., все в больших размерах стал применяться наемный труд. Однако в нашем распоряжении нет ни одного свидетельства, исходившего от заводовладельцев, о том, что использование наемного труда по сравнению с принудительным было экономически выгоднее. Эксплуатация промышленниками принудительного труда не ослабевала, и вплоть до 90-х годов XVIII в. они с сожалением вспоминали о том благодатном, с их точки зрения, времени, когда имелась возможность использовать разнообразные способы формирования кадров принудительной рабочей силы. На наш взгляд, рост числа наемных рабочих в металлургии объясняется не преимуществами наемного труда по сравнению с принудительным, которые в это время еще не проявлялись, а существенными изменениями в промышленной политике абсолютизма, обусловленными расширением сословных привилегий дворянства, с одной стороны, и обострением социальных противоречий в стране, с другой. В самом деле, в течение первой половины XVIII в. владельцы металлургических заводов широко пользовались такими источниками формирования кадров принудительного труда, как покупка крепостных крестьян к мануфактурам, приписка к ним государственных крестьян, оставление навечно при заводах беглых и их потомства. Во второй половине XVIII в. промышленники потеряли возможность пользоваться этими источниками рекрутирования рабочей силы.

Прежде всего они лишились возможности использовать труд беглых, оказавшихся на мануфактурах. Превращение беглых, «чьи бы они ни были», в крепостных рабочих мануфактуры осуществлялось в несколько приемов. Если законодательство 20-х годов XVIII в. предписывало задерживать их на заводах лишь «впредь до указа», то есть временно, то указ 7 января 1736 г. оставлял «вечно при фабриках»² не только обучавшихся мастерству беглых, но и их детей. Этим указом правительство руководствовалось и во время проведения второй ревизии (1743—1747), когда переписным канцеляриям было разрешено оставлять всех беглых на мануфактурах³. Только на 12 заводах А. Демидова таких приписных из числа беглых, незаконнорожденных и не помнящих родства к 1749 г. насчитывалось 6 728 душ мужского пола, на Юговском и Курашинском заводах И. Осокина — 427 душ мужского пола⁴ и т. д. Практика приписки беглых к заводам сыграла существенную роль в формировании кадров рабочей силы не только на предприятиях малонаселенного Урала, но и на заводах Европейской России.

¹ Выяснением этого вопроса на материалах XVII в. занималась А. М. Панкратова, на материалах XVIII в. — И. С. Курицын. С выводом последнего, что наемный труд на мануфактурах легкой промышленности, по существу, ничем не отличался от принудительного, трудно согласиться.

² См. Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М. 1953, стр. 353—354.

³ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. XII, № 8969, стр. 145—151. Указ Сената 15 июня 1744 года.

⁴ См. Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Т. 1. М.-Л. 1949, стр. 366—367; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Берг-коллегии, д. 270, лл. 421—423.

Сенатский указ 1754 г. значительно сократил эту практику: «Ежели с сего указа на те мануфактуры, и фабрики, и заводы чьих беглых людей и крестьян оные содержатели и заводчики сами или их прикащики принимать и на тех мануфактурах и фабриках и заводах содержать будут», то за каждую принятую или задержанную на заводе мужскую душу взыскивался штраф в 200 руб., а за женскую — в 100 рублей. Действительно, группа работных и мастеровых людей, значившихся по номенклатуре того времени под рубрикой «отданных по переписям», «отданных от ревизии незаконнорожденных и не помнящих родства», «оставленных от ревизии из пришлох разных губерний до указа», перестала пополняться новыми людьми.

Не менее важное значение имел указ 22 августа 1762 г., запрещавший покупать крестьян к заводам как с землями, так и без земель. Промышленники должны были довольствоваться «вольными наемными за договорную плату людьми»⁵. Этими мерами был прекращен дальнейший рост армии посессионных крестьян.]

Социальная сущность обоих законодательных актов очевидна: они ограничивали привилегию владельцев мануфактур эксплуатировать непосредственно крепостных крестьян. И хотя промышленники настойчиво добивались восстановления их права обзаводиться посессионными крестьянами, абсолютизм оказался непреклонным в охране монопольной привилегии дворянства владеть «крещеной собственностью».

На 60-е годы XVIII в. падает еще одна мера правительства, ограничившая использование принудительного труда на металлургических заводах, — сенатский указ 15 сентября 1763 года. Хотя он имел частное значение и запретил приписку крестьян Исетской провинции только к Екатеринбургским золотым промыслам, но фактически к этому времени была вообще прекращена приписка государственных крестьян независимо от того, в какой провинции они жили. Отказ правительства от приписки крестьян к мануфактурам был вызван рядом причин. Во-первых, все близлежащие к заводам селения с государственными крестьянами были давно приписаны и правительство уже в 50-х годах XVIII в. стало на путь использования в промышленности труда таких крестьян, которые жили от заводов в 500 и даже 600 верстах. Во-вторых, и это самое главное, приписные крестьяне с 50-х годов XVIII в. находились в состоянии полного или частичного неповиновения частным промышленникам. Волнения приписных наибольшего размаха достигли к 1762 году. На Урале в этом году не было ни одного завода, на котором бы приписные крестьяне выполняли положенные уроки. В-третьих, правительство не могло не считаться с тем, что привлечение крестьян к заводским работам вызывало в этих местностях упадок хлебопашества. Между тем хлеб был необходим как для снабжения гарнизонов Уйской и Верхнеяицкой пограничных линий, так и для удовлетворения потребностей заводского населения. Оренбургский губернатор Д. В. Волков, инициатор запрещения приписки государственных крестьян к Екатеринбургским золотым промыслам, предупреждал Сенат о том, что увеличение числа «хлебодедов» и уменьшение хлебопашцев вызовет недостаток продовольствия «и на партикулярных заводах от великой дороговизны хлеба новое безпокойство зделается»⁶. Поведение приписных во время крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева превзошло все опасения оренбургского губернатора, высказанные им за 10 лет до этих событий. Большинство приписных крестьян ушло в армию повстанцев, захватив с собой выкованное на уральских заводах оружие.

В этих условиях правительство вынуждено было обнародовать

⁵ ПСЗ. Т. XV, № 11490, стр. 966.

⁶ «Материалы по истории Башкирской АССР». Т. IV, ч. 2. М. 1956, стр. 367—368; 455—456.

в 1779 г. манифест, удваивавший по сравнению с плакатом (указом) 1724 г. оплату труда приписных крестьян и устанавливавший точный перечень работ, к которым их можно было привлекать. Дело в том, что по сенатскому указу 20 ноября 1756 г. приписных крестьян разрешалось использовать на заводских работах без всяких ограничений. Первоначально указ предоставил это право только заводовладельцам-вельможам, получившим казенные заводы, но затем им пользовались и другие промышленники, к заводам которых были приписаны государственные крестьяне. В 1758 г. Н. Н. Демидов обратился с просьбой: в случае недостатка наемных работников разрешить ему привлекать к работам приписных, причем оплату их труда производить по плакату 1724 г., «так как и при прочих отдаленных казенных заводах в партикулярное содержание работать поведено»⁷. Практически указ 20 ноября 1756 г. освобождал промышленника от всяких хлопот по обеспечению своих предприятий наемной рабочей силой, ибо он всегда мог сослаться на отсутствие наемных.

Как было сказано, манифест 1779 г. устанавливал точный перечень работ, которые должны были выполнять приписные крестьяне. Например, добыча руды, жжение угля, перевозка готовой продукции на пристань и дальнейшая транспортировка ее к месту сбыта и даже строительство завода осуществлялись наемными рабочими. К строительству и починке плотин приписных крестьян можно было привлекать «в том единственном случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут». За принуждение выполнять работы, не предусмотренные манифестом, заводовладелец платил «в пользу обиженного вдвое против положенного в 4-й статье платежа заработной, кроме тех денег, кои по той статье за установленную работу положены»⁸.

Таким образом, манифест 1779 г., как и предшествовавшие ему меры правительства, существенно ограничил объем работ в металлургической промышленности, выполняемых принудительным трудом. И, тем не менее, все же наблюдался абсолютный рост числа крепостных, занятых на внутризаводских работах. Это происходило вследствие естественного прироста населения посессионных деревень, за счет более интенсивного использования труда не только посессионных крестьян, но и членов их семей, переселяемых из сельской местности на заводы, и, наконец, этому содействовали и незаконные сделки на покупку крестьян, которые промышленники все же заключали, обходя запретительный указ 1762 года. Но эти источники не обеспечивали рабочей силой развивавшееся в России мануфактурное производство. Поэтому промышленники были вынуждены все чаще прибегать к услугам наемных рабочих.

Во второй половине XVIII в. уже довольно четко распределились производственные операции между принудительным и наемным трудом. На основные работы, требовавшие высокой квалификации, заводовладельцы ставили своих крепостных или отданных им по указам, а на всякого рода вспомогательных, производившихся вне стен мануфактуры, они предпочитали использовать наемных. Однако в России были в то время и такие заводы, на которых как основные, так и вспомогательные операции целиком или преимущественно выполняли наемные работные люди⁹.

Прежде чем перейти к рассмотрению форм найма рабочей силы, необходимо дать краткую характеристику состояния рынка труда в металлургической промышленности России. Это поможет уяснить особенности форм найма в металлургии.

Замедленные темпы формирования рынка труда объяснялись господ-

⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, д. 290, л. 152.

⁸ ПСЗ. Т. XX, № 14878, стр. 822—823.

⁹ См. Н. И. Павленко. Численность рабочих русской металлургии на грани XVIII—XIX вв. «Вопросы экономики, планирования и статистики». Сборник статей к 80-летию академика С. Г. Струмилина. М. 1957.

ством в стране феодально-крепостнического строя. Складывавшиеся в течение веков способы взимания государственных и владельческих повинностей, а также система круговой поруки были рассчитаны на неподвижность населения. Природа феодальной эксплуатации крестьян тормозила экспроприацию мелких собственников. Введенная в 1724 г. паспортная система регистрации ухода крестьян на заработки являлась отражением стремлений дворянского государства усложнить и затруднить перемещение населения из одного района страны в другой.

Однако это была не единственная причина того, что развитие русской металлургии далеко опережало процесс формирования кадров для нее. Дело в том, что значение металлургической и парусно-полотняной промышленности России выходило за национальные рамки. Продукция русской металлургии находила сбыт в таких капиталистических странах, как Англия и Голландия, а также в других государствах Западной и Восточной Европы, Средней и Малой Азии. Это обстоятельство оказало существенное влияние на темпы роста отечественной металлургии: они значительно опережали уровень развития производительных сил в прочих отраслях хозяйства России. Металлургия поставляла продукции примерно в два раза больше, чем ее мог потребить внутренний рынок страны. Следовательно, удовлетворение спроса европейских и частично азиатских стран на русское железо повышало потребности в рабочей силе и создавало искусственный разрыв между спросом на труд и его предложением.

К тому же следует учитывать географическое размещение заводов. В начале XVIII в. центр металлургической промышленности России переместился из европейской части страны на Урал, в край с относительно редким населением. Например, в Кайском уезде, Вологодского наместничества, мужского населения, по данным четвертой ревизии, насчитывалось 12 212 душ, в том числе крещеных остяков — 4 081 человек. Естественно, владельцы пяти металлургических заводов, расположенных на территории этого уезда, испытывали недостаток в рабочих. Это сказывалось и на производительности заводов, на которых, как значится в описании наместничества в 1784 г., «в годичное время безостановочной плавки чугуна... иковки железа никогда не бывало... по малости своих и вольнонаемных работников»¹⁰. Еще труднее было обеспечить кадрами заводы Южного Урала. В некоторых районах Башкирии русского населения было мало, а «башкирцы, живущие около заводов,— по словам заводоладельца И. Б. Твердышева,— яко дикой и к работам неприюбыкновенной и в подушном окладе не состоящей, а потому и в деньгах нужды не имеющей, питающей скотоводством народ, ни в какие работы не нанимаются, кроме найма под привоз руды»¹¹. Твердышев, как и другие южноуральские заводоладельцы, нанимал рабочих в местах, отдаленных от заводов, при этом чем больше возникало предприятий на Южном Урале, тем большие трудности приходилось преодолевать промышленнику и тем длиннее становился радиус действия его приказчиков, посылаемых для найма рабочей силы. На территории Башкирии к 1750 г. было только шесть заводов, а через 10 лет их стало 27. Соответственно увеличился спрос и на рабочую силу.

Даже на Южном Урале, в крае с наименьшей плотностью русского населения, в 50-х годах XVIII в. наемный труд применялся не только на вспомогательных, но и на основных работах. Число наемных на четырех заводах Твердышева и Мясникова в зависимости от сезона колебалось в 1756 г. от 1 300 до 4 120 чел. на заготовке дров, руды и выжиге угля и от 1 150 до 2 700 чел.— на транспортных работах. В ведомости, поданной

¹⁰ Государственный архив Кировской области. ф. 583, оп. 600, л. 28, л. 273. Автор признателен А. В. Эммаусскому за предоставленную возможность использовать этот материал.

¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1265, л. 545.

этими же заводовладельцами в 1757 г., цифровых сведений на этот счет не приведено, однако сказано, что «рубка дров, и зжение угля, и добыча руды производятся вольнонаемными по пашпортам разных уездов людьми». На следующий год Твердышев доносил, что «в тамошней малолюдной стороне за дальним разстоянием от российских жительств не всегда потребное число нанять и отыскать было возможно». Отмеченные изменения заводовладелец объяснял возникновением «в тамошней стороне... многих заводов». Жалобы на трудности найма работников звучат и в его донесении, поданном в Берг-коллегию пять лет спустя, когда Твердышев от имени компаньона И. С. Мясникова и своего писал: «Работников нанять мы против числа прежних годов никаким образом не могли»¹².

Общая численность наемных на всех металлургических заводах России составляла значительную цифру. В 1800 г. наемный труд был зарегистрирован на 95 заводах из 174, причем численность наемных колебалась от 25,5 до 28,1 тыс. человек. Если же учесть, что из 95 заводов по 11 отсутствуют цифровые данные, но есть указание о применении наемного труда, то общее число наемных можно определить примерно в 30 тыс. человек. Систематическое применение наемного труда прослеживается на протяжении второй половины XVIII в. почти на всех заводах Европейской России. Исключение составляли лишь некоторые предприятия, принадлежавшие Гончарову и Миляковым.

Каким же образом промышленникам удавалось преодолевать трудности обеспечения своих заводов наемными работными людьми, как владельцы заводов, особенно те из них, которые находились «в отдаленных от российских городов пустых и диких местах», организовывали наем людей, живших за сотни верст от места своей будущей работы?

Наиболее распространенным видом найма был наем, сопровождавшийся выдачей аванса. В документах XVIII в. это называлось обзадачиванием. Чаще всего прибегали к этому виду найма заводовладельцы Урала. Обзадачиванием как средством обеспечения наемной рабочей силой не пренебрегала и администрация казенных заводов Урала. Первые сведения о применении обзадачивания при найме рабочих на казенные заводы относятся к 1779 г., то есть ко времени опубликования манифеста о регламентации использования труда приписных крестьян на заводских работах. В этом году Юговская заводская контора решила послать офицера для обзадачивания наемных, но так как заводская администрация не имела еще опыта вербовки рабочих таким путем, то офицеру было предписано «употребить предосторожность, чтобы не зделать каковой-либо передачи». В последующие десятилетия обзадачивание наемных на казенных заводах приняло более широкий размах. В фонде Уральского горного управления сохранилось немало контрактов, заключенных администрацией Гороблагодастских заводов с крестьянами на выполнение работ по заготовке древесного угля. Так, контракты 1798—1801 гг. предусматривали выдачу аванса в размере 70—80% договорной суммы¹³.

К подобному способу найма прибегали также и заводовладельцы Европейской России. Выдавала аванс наемным и компания промышленников (М. Я. Шаргаев, И. С. Бармин и Ф. С. Кухнов), владевших Тивдинским стальным заводом в Олонецком металлургическом районе. Владелица расположенного в том же районе Киворецкого доменного завода С. Кононова в 1764 г. доносила Берг-коллегии, что окрестные крестьяне «по данным от себя добровольным обязательствам потребных к содержанию тех заводов самонужнейших припасов, яко то дров и угля, за взятые

¹² Там же, кн. 973, кн. 1153; д. 288, л. 252; кн. 1265, л. 545; «Материалы по истории Башкирской АССР», стр. 237.

¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1379, л. 54; Свердловский областной государственный архив, ф. Уральского горного управления, кн. 2711, лл. 3—17, кн. 2943, лл. 6—9.

наперет деньги каждогодно не ставили». Хозяин Виндреевского завода в Тамбовской провинции П. И. Баташов также выдавал ссуду наемным, несмотря на то, что завод был расположен в густонаселенной местности. «Задаем наперед деньги по немалому числу, которых задаточных денег бывает от нас им в роздаче до 8 тысяч рублей», — писал он в Берг-коллегию. То же самое делал владелец Липецких и Ново-Петровского заводов князь П. И. Репнин¹⁴.

Повсеместное распространение обзадачивания в тех условиях было закономерным явлением, ибо только таким путем промышленник мог привлечь кадры рабочих, а крестьянин получить возможность явиться на завод. Обзадачивание отражало недостаточно высокий уровень развития рынка труда, товарных отношений в деревне и, наконец, степень использования феодальных способов принуждения в промышленности.

Промышленникам удавалось обзадачить лишь беднейших крестьян, страдавших от малоземелья и чрезмерных налогов. Твердышев писал: «Из зажиточных крестьян и иноверцев, у ково есть хлеб и есть чем подушной оклад платить, никто в такую отдаленную сторону, оставляя хлебобашество свое, ходить работать охоты не имеют, а склонны к тому найму только такие неимущие люди, коим подушного оклада платить нечем»¹⁵. Такое же впечатление об имущественном положении наемных вынес и владелец Златоустовского завода Л. И. Лугинин: «О исправном же и достаточном человеке само по себе доказывается, что он ни за какие деньги в заводскую работу итти не согласится»¹⁵.

Необходимость выдачи задатка большинство промышленников объясняло тем, что наемный обязан был перед уходом на завод уплатить подушные деньги. Твердышев считал, что «без зарплаты подушного оклада и пашпорта дано быть не может». Если бы нанявшиеся крестьяне не уплатили подати, то, по утверждению Лугинина, «никак бы и от жителей тех мест отпущены они не были». Деньги нужны были не только для уплаты подушной подати. Часть полученной ссуды наемный оставлял своей семье, часть расходовал на то, чтобы «укомплектовать себя в такую отдаленную сторону покупкою одежды» и продовольствия. Последняя статья расходов была особенно значительной у наемных, отправлявшихся на южноуральские заводы, «потому что башкирцы питаются кобыльим молоком и сыром, а хлеба не имеют»¹⁶.

Промышленники пользовались любым случаем, всяким затруднением крестьянина или посадского, чтобы обзадачить их и затем требовать погашения долга работой на заводе. Компания промышленников, владевших Тивдинским заводом, доносила в 1769 г., что в селениях, близ которых стоял их завод, «последовал великой в хлебе неурожай», так что жители «пришли в великое безсилие», питались сосною корою и кореньями. Заводовладельцы предложили свои услуги, ссужая жителей деньгами и продовольствием, чтобы «завод наш действием не оставить». Пользуясь безвыходным положением страдавших от голода крестьян, заводчики выдали им кабальных задатков на 7 тыс. рублей¹⁷.

Сумма аванса при обзадачивании колебалась от 5 до 20 и более рублей. В зимние месяцы 1757—1758 гг. приказчики Твердышева и Мясникова наняли в дворцовых селах Казанской и Нижегородской губерний 135 новокрещеных. Каждый из них в летние месяцы должен был «заработать в разных заводских работах, считая за оные по договорным с ними ценам, 10 руб.». Наемные получили аванс по 5 руб. для уплаты подушных и оброчных денег и по 50 коп. на путевые расходы. В 60-х годах XVIII в. эти же заводовладельцы повысили сумму задатка, и если верить

¹⁴ Там же, кн. 1241, л. 570; кн. 2075, л. 72, кн. 1241, л. 564.

¹⁵ Там же, кн. 1366, л. 663; кн. 1265, л. 544.

¹⁶ Там же, кн. 1265, л. 545.

¹⁷ Там же, кн. 1296, л. 259.

Твердышеву, то стали выдавать «в ту работу наперед деньги месяцев в 10 и на годовое время», что могло составлять примерно 10—12 рублей. Турчанинов авансировал по 8—10 рублей. Наиболее высокий аванс получали наемные на заводах Походяшина, где выдача 15—20 руб. был обычной¹⁸.

Для найма рабочих уральские промышленники имели специальные приказчиков, которые проводили наем и отправку нанятых на заводы. Например, заводчик Походяшин держал для этого приказчиков в Великоустюге, Соли Камской, Тобольске и Верхотурье. Твердышев и Мясников не имели приказчиков в определенных пунктах, но зато периодически снаряжали специальные экспедиции, сопровождаемые командой, охранявшей задаточные деньги. Заводовладельцы Европейской России обходились без стационарных пунктов найма. Они производили наем либо непосредственно на заводе, либо посылали для этой цели приказчиков в близлежащие уезды.

Выдача задаточных денег не оформлялась в правительственных учреждениях, так как за регистрацию документов надлежало платить пошлину. Дело ограничивалось так называемыми домовыми записями, то есть регистрацией в заводских книгах выданной суммы, или долговой распиской, оформленной частным образом. Все это, конечно, создавало широкие возможности для самого безудержного произвола промышленников и их приказчиков.

Обзадаченные наемные в сопровождении приказчиков и охраны следовали к месту работы на завод. Если группа обзадаченных была многочисленной, то ее разбивали на десятки и обязывали круговой порукой. Обзадаченный отвечал не только за себя, но и за группу, в которую входил. Этой мерой промышленник предохранял себя от возможных убытков. На заводах Турчанинова был установлен порядок, что «за огурчиков же и ленивцев, також за збегом и болезнями и за умерших многия десятки принуждаются по обязательству их зарабатывать». То же было на Златоустовском заводе Л. И. Лугинина, который доносил в 1777 г., что наемные чувшали «обязались в зарабатывании задаточных и забираемых денег, да хлебных и харчевых припасов друг по друге порукою с тем, что ежели кто из них, не заработав, збежит и в сыску их учинятся мне убытки, оные а равно незаработанные деньги, по поручительству зарабатывать тем кто из них в лицах будет безотговорочно по той же плате, по каковой они в работу вступили»¹⁹.

Обзадачивание вызывало некоторые дополнительные хлопоты для промышленника. Если, например, ему нужно было нанять 200 чел., то для их обзадачивания на месте найма надлежало иметь минимум 1 600 руб., что в медной монете 60—80-х годов XVIII в. составляло 100 пудов. Это обстоятельство вынуждало промышленника снаряжать целую экспедицию для перевозки и охраны ценного груза. Но главное состояло в том, что при такой системе найма промышленник неизбежно терпел некоторый ущерб. В одних случаях обзадаченный уклонялся от явки на завод, в других — бежал, находясь еще в пути, в третьих — убегал с завода, не отработав полученный задаток, наконец, мог заболеть, умереть и т. д. В фонде Берг-коллегии на этот счет сохранилось немало жалоб промышленников. «Случается довольно, — писал Турчанинов, — что те наемные многие з дороги, а другие и пришел в заводы, вступя в работы и нималой части задатков не заработав, бегут, а збежав в свои жилища, паки нймуются у других заводчиков в такие ж работы». А. Мосолов жаловался в 1773 г., что наемные работники, «не заработав долгов, учали с показанного Шурминского завода чинить побег». Заводовладелец, пытаясь взыскать с таких крестьян задатки или вернуть их на работу, стал

¹⁸ Там же, д. 288, лл. 423, 424; кн. 1265, лл. 544, 548.

¹⁹ Там же, кн. 1265, л. 548, кн. 1366, л. 664.

кивался с противодействием мирских властей, которые «бежавших к зарабатыванию тех денег нисколько не принуждают, но норовя и послабляя им, беглецам, незаконно отпускают их на другие заводы и в прочие работы».

Нередко в документах указываются суммы убытков, понесенных промышленниками от бегства обзавещенных наемных. Владелец Покровского завода на Южном Урале А. И. Шувалов в 1762 г. числил за самовольно ушедшими наемными более 16 тыс. долга. В 1764 г. сумма долга поднялась уже до 21 266 руб., причём 8 838 руб. можно было считать навсегда потерянными, ибо они числились «на бежавших самовольно с завода разных уездов работных людях, 847 человеках»²⁰.

Немалая сумма падала на наемных, бежавших с Вознесенского завода фон Сиверса. В описи этого завода, составленной в 1764 г., значилось «на беглых с завода и по найму не явившихся в завод, отпущенных на время в дома с 1756 по 1764 г. разных уездов волостей вольнонаемных и работных людей» 3 150 руб. долга²¹.

Крупная сумма задаточных денег числилась за беглыми с Язагажского завода А. Власевского. В течение двух лет (1757—1759) с этого завода бежало 126 чел., за которыми владелец насчитывал 4 212 руб. задаточных денег. Бегство продолжалось и в последующие годы, соответственно увеличивалась сумма потерянных заводоладельцем денег. 8 января 1764 г. бежало ещё 64 чел., что вызвало потерю промышленником ещё 2 369 рублей. Бегство не прекращалось и в дальнейшем. А при сыне А. Власевского Андрее в 1766 г. насчитывалось не менее 12 тыс. руб. потерянных денег. В 1780 г. контора Омутнинского завода М. Походяшина обратилась с жалобой к яренскому воеводе на крестьян, которые, взяв деньги на уплату податей, не явились на завод, или «з дороги бежали». 115 чел. не отработали заводской конторе 898 руб. 10 коп.²²

Кроме того, обзавещивание существенно замедляло оборот капиталов промышленника, что тоже ущемляло его интересы. Выдавая аванс, он надолго омертвлял часть своего капитала. Это иногда нарушало бесперебойную работу предприятий, замедляло процесс переливания капиталов из сферы обращения в производство и из легкой промышленности в металлургию.

Однако все это не заставило промышленников отказаться от подобных приемов вербовки рабочих, так как в конечном счёте они извлекали из системы обзавещивания весьма большие прибыли, а убытки перекладывали на плечи тех же наемных.

Обзавещивание позволяло промышленнику держать на очень низком уровне оплату труда. И. И. Лепехин, посетивший Кано-Никольский завод И. Мосолова в 1770 г., писал: «При сим случае упомяну я о выгоде в Башкирии находящихся заводов пред другими заводами. Башкирцы, как народ гуляющий, так и заводный лошаадьми, за малую цену возят руду и другие заводские потребности. Поблизу в Оренбургской губернии живущая мордва и чуваша охотно нанимаются для добывания руд также не из большой платы, а особливо, когда они задатчены будут»²³. Авансирование приводило к тому, что меньше платили не только наемным чувашам и мордвинам, но и русским крестьянам.

В 1758 г. за крестьянами Гривенской волости, Яренского уезда, числилось 300 руб. недоимки подушной подати. Означенную недоимку обязались погасить заводоладельцы И. Я. Курочкин и А. Ф. Юринский. За это крестьяне должны были в течение четырёх лет (1758—1761) по 30 чел. ежегодно работать на Кажимском молотовом и строившемся Нючпасском

²⁰ Там же, кн. 1243, лл. 623, 685, 716

²¹ Там же, ф. Сената, кн. 3617, л. 386.

²² Там же, ф. Берг-коллегии, кн. 1227, лл. 587, 588, 606; ф. Яренской воеводской канцелярии, д. 686, лл. 64—67.

²³ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия Т. II. СПб. 1722, стр. 96—97.

доменном заводах «в каждой год по два месяца, то есть по 62 дни в таких заводских работах и в такие дни, в какие они, Курочкин и Юринский, или заводские их прикащики быть прикажут, выключая ис того одни только те дни, в которые хлебной посев, сенная ставка и жнива бывают. А за оные дни зачитать за каждой день каждому по 4 коп. с половиной»²⁴. Заключая это соглашение, промышленники выговорили себе право использовать крестьян и в летние месяцы в промежутках между временем сева, сенокоса и уборки урожая, то есть в месяцы, когда по плакату 1724 г. приписные крестьяне получали по 6 коп. в день, следовательно, наемный труд обзадаченных крестьян обходился Курочкину и Юринскому дешевле принудительного труда приписных крестьян.

Таким образом, авансирование давало возможность промышленникам, не располагавшим достаточным числом принудительных рабочих, добиваться тех же примерно условий в использовании рабочей силы, какие имели привилегированные заводовладельцы, у которых было много приписных крестьян и отданных по указам.

Эта система оплаты труда позволяла промышленнику держать на заводе обзадаченных наемных в течение продолжительного времени, во всяком случае, значительно дольше, чем того хотел нанявшийся. Например, П. И. Баташов, по его словам, прибегал к обзадачиванию, «желая, как бы оные (наемные. — Н. П.) при том нашем заводе далее продолжались»²⁵.

Обзадачивание было тем средством, с помощью которого промышленник достигал известной стабильности рабочего состава заводского персонала. Обязанности прибывшего на завод наемного не ограничивались отработкой полученного аванса. Будучи на заводе, он должен был питаться за свой счет и обеспечивать себя одеждой. Получая же все это от заводовладельца, рабочий увеличивал свой долг. Во многих случаях первоначальная сумма долга после длительного пребывания наемного на заводе не уменьшалась, а увеличивалась. Несложную технику дальнейшего обзадачивания можно проследить на примере Тивдинского завода, полностью обслуживаемого наемными. Один из них, Яков Васильев, сопровождая груз с готовой продукцией, «сверх всякого чаяния, оставя ту сталь», бежал и нанялся на работу к конкурентам владельцев Тивдинского завода — французам Шапонию и Баролла. При найме на новое место Васильев заявил, что он ушел с прежнего «по неимению при заводе управителя и работы», что, по словам заводовладельца Шаргаева, не соответствовало действительности. Свое право на труд Васильева Шаргаев и К^о подтвердили копией его долгового обязательства, оформленной 7 апреля 1768 года. Из этого документа следует, что Васильев взял «на платеж годовиных денег, також и на протчие казенные подати и себе на пропитание, на хлеб, на харч, на платье и обувь и на плагеж разных долгов, також и на домашний обиход суммою сверх заработка моей по счету всего 98 руб. 5 коп.». Это чистый долг Васильева, то есть сумма, фактически полученная у заимодавца. Однако сумма долга, по исчислению Шаргаева, была на самом деле значительно выше и составила 115 руб. 93 копейки. Разница в 17 руб. 88 коп. приходится на ростовщический процент, начисленный заводовладельцем. В том случае, если бы Васильев оказался не в состоянии уплатить долг наличными, он обязан был «сам обратно в работу вступить, а платы накладывать в каждый год по 20 руб., а при работе хлеб, харч, платье и обувь иметь все свое».

Берг-коллегия усомнилась в подлинности этого документа, ибо слишком крупной по тому времени была сумма, одолженная Васильевым. Тогда промышленники разъяснили, что деньги Васильеву «даны не вдруг, но в разные времена». В доказательство того, что случай с Васильевым не был исключением, они представили Берг-коллегии два списка своих

²⁴ ЦГАДА, ф. Яренской крепостной конторы, д. 120, л. 3.

²⁵ Там же, ф. Берг-коллегии, кн. 1241, л. 570.

должников: в одном из них были перечислены мастеровые и работные люди, непосредственно занятые на стальном заводе, второй, более подробный, включал крестьян, которых промышленники ссужали деньгами, беря с них обязательство работать на поставке руды, заготовке дров, угля и т. д. Оказалось, что за 55 работными и мастеровыми людьми, обозначенными в первом списке, числилось 4 253 руб. 30 коп. долга. Среди должников было много таких, у которых сумма долга превышала 110 рублей. За молотовым мастером И. Г. Карцовым значилось 116 руб. 66 коп., за кузнецом Семеном Протоповым — 113 руб. 97 коп., за угольным мастером Василием Спирковым с братом — 167 руб. 56 коп. и т. д.

Крестьяне брали ссуду более мелкими суммами — 2 — 3 — 5 рублей. Но и за ними значилось 6 079 руб. 90 коп., полученных «малыми дачами»²⁶.

Выдача аванса позволяла промышленнику удерживать наемного на заводе в течение длительного времени, осуществляя это при помощи заводской администрации. Выше отмечалось, что промышленник в большинстве случаев официально не оформлял выдачу ссуды. Поскольку заемные письма не были зарегистрированы, местные власти отказывались содействовать заводовладельцам в возвращении аванса. В 1777 г. Л. И. Лугинин обратился к казанскому губернатору с просьбой взыскать долг с разбежавшихся с его Златоустовского завода наемных чувашей. Губернатор передал дело на рассмотрение Свияжской провинциальной канцелярии. Последняя отказала Лугинину в иске на том основании, что документы оказались «нигде в присутственном месте не утвержденными»²⁷.

Удерживая наемного на заводе, промышленник знал, что в их взаимоотношения могли вмешаться мирские власти чернососной деревни, посадская община или управители дворцовых волостей, которых, конечно, в первую очередь беспокоила задолженность задержанной на заводе «реvizской души». Отсутствие человека, обязанного платить подушную подать, обременяло оставшихся на месте палогоплательщиков. В связи с этим заводовладелец, стараясь предупредить возможные неприятности, брал на себя роль посредника между обзадаченными работными людьми и местной администрацией. Так действовал А. Мосолов, который платил «в их жительство повсягодно подушные деньги с получением на то от мирских людей отпусков и квитанций»²⁸.

Уплата подушной подати, как и оформление паспорта, совершаемые за спиной работного человека, оказывали большое влияние на взаимоотношения наемного с промышленником. Своими действиями промышленник, во-первых, легализовал длительное пребывание обзадаченного на заводе и, во-вторых, не давал повода административно-полицейскому аппарату государства для вмешательства в свои отношения с наемными, ибо в повседневной заботе «о благе подданных» администрацию ничто так не болновало, как спокойствие опекаемых подданных и своевременное внесение ими подушной подати. Заводовладелец без труда изолировал обзадаченного от той среды, которая была заинтересована в нем как в налоговой или тягловой единице, — от крестьянского или посадского мира.

Сокровенное желание промышленников превратить наемных в феодально зависимых работных людей четко выражено в одном из донесений заводовладельца А. А. Власьева, поданном в Берг-коллегию в 1766 году. Он требовал либо восстановления права покупать к заводам крестьян, либо разрешения заводовладельцу брать с пасмных подписки, «почему б оные могли быть у меня нсостъемлемо и безсходно». Власьевский прислал в Берг-коллегию и образец договора с наемным, составленный доморощенными юристами. Красноярский разпочинец Д. Е. Шеста-

²⁶ Там же, кн. 1307, лл. 455—465.

²⁷ Там же, кн. 1366, л. 664.

²⁸ Там же, кн. 1334, л. 227.

ков давал подписку в том, что он имеет «всеревностную и конечную оланту» обучиться молотовому мастерству. Поступивший на завод наемны обязывался «по сей подписке работать при оном заводе, или куда на другой завод командирован буду, вечно, и не припося никакие ко отбыванию от реченной работы пустые отговорки, разве зачем от воли божией, зболезнию». Плата устанавливалась «на тех всех кондициях, как на государственных заводах действительно мастера и подмастерья работают»²⁹.

По существу, с такой же просьбой обратились в Берг-коллегию И. Я. Курочкин и А. Ф. Юринский, заводы которых обслуживали наемные из Вятской и Великоустюжской провинций. Они в начале 1761 г. доносили, что наемные «уже разным заводским мастерствам старанием нашими немалым нам убытком действительно обучились, и при тех наших заводах живут домами по немалому времени». Однако этих наемных нередко отрывали от заводских работ для выполнения всякого рода мирских повинностей, «а другия по своей воли и прихотям отлучаются с тех наших заводов на немалые времена». Заводовладельцы просили Берг-коллегию чтобы она издала указ, запрещающий наемным самовольно отлучаться с заводов, а мирским властям обременять таких наемных мирскими повинностями³⁰.

Помимо удержания наемных обладачиванием, промышленники иногда этого же результата добивались противоположным приемом — задержкой выплаты заработанных денег. Если в первом случае наемный не мог уйти с завода потому, что его задерживала заводская администрация, то во втором она не прилагала для этого никаких усилий, ибо наемный, если он не хотел расстаться с заработанными деньгами, сам терпеливо ожидал вознаграждения. Этот способ был выгоднее обладачивания, но он не получил распространения, так как промышленнику удавалось замянуть наемного без выдачи аванса в очень редких случаях.

В феврале 1750 г. Берг-коллегия разбирала жалобу монастырских и черносошных крестьян Вятской провинции на владельца Шурминского завода Ивана Меншого Мосолова «в недаче им надлежащих по вольному их договору по должностям их заработных денег». Задержка выплаты заработанных денег была преднамеренной, ибо обращение крестьян в Берг-коллегию было третьим по счету: они дважды пытались добиться справедливого решения вопроса через казанское горное начальство, но последнее «зплатно, изо взятков», не приняло должных мер «ко удовольствию их». Челобитчики считали, что цель заводовладельца состояла в «невольном при заводе из малой платы удержании»³¹.

Столь же бесцеремонно и грубо по отношению к наемным действовала администрация Назе-Петровского завода, принадлежавшего Максиму, Ивану и Ивану Меншому Мосоловым. В конце 1752 г. четыре артели повокрещенных и некрещенных чувашей, общей численностью в 166 чел., нанялись работать на Назе-Петровском заводе сроком на один год. Каждому Мосоловы должны были заплатить по 18 руб., причем по 7 руб. наемные получили авансом. Однако условия договора заводовладельцы нарушили. Наемные чуваша «по прошествии написанных в покормежных сроков неоднократно просились от Мосоловых и от прикащиков, чтоб их в дома уволить, но по той прозьбе не уволены, и как покормежных, так и заработных денег им не отдали и держали за сроком в неволе сильно многое время». Правда, Мосоловы выдавали каждому наемному в месяц два пуда ржаной муки, фунт соли, а также еженедельно от 4 до 10 коп., но подобные условия оплаты труда не устраивали чувашей, так как предусмотренное договором вознаграждение они получали не сполна. Общая сумма неуплаченных заводовладельцами денег к началу 1755 г. составля-

²⁹ Там же, кн. 1227, л. 611.

³⁰ Там же, кн. 1197, лл. 39, 52.

³¹ Там же, д. 245, л. 177.

ла 1 749 руб. 16 копеек. 20 февраля 1755 г. около 80 чувашей, «видя себе многие изнурении и сильное при работах удержание и пашпортов неогдачу с того завода сошли», чтобы подать жалобу в Красноуфимске. В пути их настигла команда, снаряженная заводовладельцами. Наемные заявили возглавлявшим команду приказчику Никитину и нарядчику Петрову, «что они на завод по прописанным обстоятельствам не пойдут». Преследователи, «устремясь на них, пудя силою, чтоб шли», завязали драку. Численный перевес был на стороне наемных, но преследовавшая их команда располагала огнестрельным оружием. В неравном сражении было убито 9 и ранено 27 новокрещенных, команда же никаких потерь не понесла. Началось следствие, во время которого заводовладельцы, уклоняясь от ответственности, заявляли, что инициаторами нападения были сами наемные, которые будто бы ринулись на команду «с рогаatinaми и насаженными на долгие топорыща топорами», унесенными с завода. Неправдоподобность этого заявления была очевидна даже надворному советнику Зеленому, назначенному для защиты интересов потерпевших. Он резонно заметил, что нападение было спровоцировано командой преследователей, ибо среди ее участников «не только убийства, язвительных ран видеть не можно, но и ни на едином малейших битья признаков по свидетельству не оказалось». Тем не менее следствие длилось в течение многих лет, в него были вовлечены высшие бюрократические инстанции, включая и Сенат. Если виновность команды в расправе с наемными казалась этим инстанциям сомнительной, то бесспорной признавалась обязанность заводовладельцев уплатить наемным заработанные ими деньги. Однако заводовладельцы, несмотря на указы Берг-коллегии взыскать долг, «не приемля от них никаких оговорок», повели дело так, что не удовлетворили законного иска даже к 1772 г., то есть спустя 17 лет после кровавого события³².

Промышленники Европейской России не решались на такого рода акты дикого произвола по отношению к большим группам наемных, но неуплата заработанных денег имела место и здесь. Об этом свидетельствует жалоба крестьянина Вознесенского девичьего монастыря, расположенного в Брянском уезде, Л. А. Чекулаева на заводовладельца П. А. Никулина. Имея покормешную от монастырских властей, Чекулаев «словесным домовным договором» нанялся работать на заводе за плату 12 руб. в год. Чекулаев трудился у Никулина с 1753 по 1761 г., за восемь лет ему причиталось получить 96 руб., «токмо он, Никулин, по многому моему требованию как тех зажитых у него денег», так и покормешной не отдавал. Иск Чекулаева был настолько бесспорным, что Никулин решил его удовлетворить, «не доводя дело до суда»³³.

В фонде Берг-коллегии не удалось обнаружить именных списков наемных рабочих ни по одному металлургическому заводу России. В лучшем случае заводские конторы называли общее число наемных, а нередко ограничивались лишь сообщением о наличии наемных вообще, без указания их числа. Появление списка наемных рабочих Богословского завода, составленного в 1776 г., было связано со следственным делом, которое по поручению Сената и Берг-коллегии вела Канцелярия главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов.

Следственное дело на заводах Походяшина так же, как и на Назе-Петровском заводе Мосолова, возникло после того, как заводская администрация учинила кровавую расправу с наемными рабочими, пытавшимися уйти с работы. На этом заводе, не считая рудокопов, было зарегистрировано 322 наемных, из которых 203 показали, что их приходу на завод предшествовало получение задатка. Приказчики Походяшина пользовались любым затруднением жителей близлежащей к заводам округи, чтобы их обзадачить. Одни из наемных оказались на заводе для отработ-

³² Там же, д. 271, л. 168, кн. 1305, лл. 52—89.

³³ Там же, кн. 1193, лл. 499, 505.

ки уплаченных за них «заводчиком Походяшиным подушных денег и прочих мирских поборов», другие получили крупные задатки для переезда из Тобольска в Верхотурье; третьи взяли аванс для выполнения подряда. Походяшин не упускал случая обладачить даже государственных крестьян, приписанных к казенным заводам, и, следовательно, уже обязанных отрабатывать подушные и оброчные деньги. Немногочисленную, но характерную группу работных людей Богословского завода составляли лица, присланные областной администрацией или посадским миром для отработки почетных денег, то есть долгов, которые эти люди не могли сразу погасить.

Из 203 обладаченных только единицам удавалось отработать полученный аванс. У большинства сумма долга из года в год возрастала. Реальная заработная плата была настолько низкой, что заработанными деньгами наемный, если он был семейным, не покрывал расходов на продовольствие, одежду и уплату подушной подати.

Походяшин признавал, что «в раздатном реестре наросли долги» наемных потому, что они «никаким образом зарабатывать не в силах» сумму, достаточную для поддержания своего существования. Поэтому долги наемных людей росли с невероятной быстротой и со времени основания заводов по 1775 г. составили 64 434 руб. 42 копейки.

Ни заводская администрация, ни Походяшин не стеснялись себя в применении к наемным таких же жестоких репрессий, к каким прибегали небезызвестные Салтычиха, Шеншин и другие крепостники. Наемные испытывали на себе и наказание плетью, и работу «в железах», и держание на цепи «за разные, оказанные заводчику противности».

Драматические события, происшедшие на заводах Мосолова и Походяшина, следует отнести к числу исключительных. Не случайно разбором их занимался Сенат.

Не меньший интерес представляет рассмотрение повседневного отношения различных бюрократических инстанций к сложившейся системе обладачивания наемных работных людей. Обладачивание являлось исходным моментом закабаления нанимавшегося. Длительное пребывание последнего на заводе нередко влекло за собой превращение его в беглого, то есть в человека, оторвавшегося от крестьянского или посадского мира и, следовательно, не платившего податей и уклонявшегося от рекрутских повинностей. Но не только фискальная сторона дела волновала местные власти. Беспокойство администрации вызывал самый факт концентрации на заводах социально опасных для самодержавия элементов. В этих условиях было достаточно ничтожного и частного повода, чтобы последовало решительное вмешательство властей.

Из переписки, завязавшейся в 1764 г. между оренбургским губернатором Путятиным и Берг-коллегией, выясняется картина положения наемных.

Оренбургский губернатор сообщал Берг-коллегии, что на заводах, расположенных на территории вверенной ему губернии, «находятся в работе разного звания люди, некоторые без пашпортов, а иные хотя и пашпорты имеют, да довольное время, а именно года по четыре и более просроченные». Положение наемных на заводах даже Путятину представлялось исключительно тяжелым. Они осаждали его жалобами, что не имеют «должного удовольствия» за выполненную работу. Губернатор обращался в Берг-коллегию с просьбой, чтобы последняя предложила промышленникам выслать с заводов беспаспортных и с просроченными паспортами, а «с находящимися в заводских работах поступали добропорядочно».

Такого рода предписание заводоладельцам было отправлено Берг-коллегией, но оно не оказало никакого влияния ни на порядок найма, ни на положение наемных. Поэтому, отмечала Оренбургская губернская канцелярия в одном из своих донесений от 4 августа 1765 г., в крае «умно-

жились разбои и смертные убийства». Положение наемных канцелярия сравнивала с положением каторжных.

Единственный способ вырваться из заводской кабалы состоял в бегстве наемного. Но заводоладелец предусмотрительно содержал при заводах башкир, которые «тех беглых людей ловят, за что им, башкирцам, дают за каждого человека по рублю или по чему у них договор состоит, а после оные деньги на счет их же ставятся». Пойманных беглых «секут плетью и содержат в железах или сажают в глубокие рудокопные ямы».

Губернские власти предлагали прекратить практику обзадачивания. Заводоуладельцы должны были оповещать население об условиях оплаты труда на заводах и выдавать заработанные деньги поденно или понедельно, без обзадачивания, чтобы наемные работники могли в любое время оставить завод и вернуться домой. Затем Оренбургская губернская канцелярия считала необходимым усилить контроль за управителями заводов.

Указом 6 сентября 1765 г. Берг-коллегия удовлетворила все предложения Оренбургской губернской канцелярии. Заводоуладельцам было запрещено посылать приказчиков для обзадачивания наемных, удерживать их на заводах и т. д.

Содержание указа Берг-коллегии стало известно многим наемным, которые истолковали его по-своему. Не считая себя более связанными обязательствами отрабатывать полученные задатки, они покидали заводы. В 1766 г. находившиеся на Варзино-Алексеевском заводе генерал-майор³³ Тевкелева «по заключенным контрактам за взятые деньги Казанского уезда разных жительство русские, повокрещены и черемис и ис татар неведомо для чего, оставя заводские работы, где б кто при какой работе находился, бежали». Об уходе с работы в том же 1766 г. доносили и контроеры Троицкого завода Ивана Осокина, Архангельского завода Ивана Красильникова и др. Указ вскоре стал известен даже в отдаленных селениях. Поэтому, когда приказчики прибыли в Хлыновский уезд, Казанской губернии, для найма рабочих, то старосты и управители не только не разрешили им это делать, но и «немилосердно били и из жительство своих изгнали». Более того, бежавших с завода наемных «у себя скрыли и нарочно посланным служителям не отдали, объявляя притом, что де ныне ни одного человека в работу на заводе за указным запрещением отпущено не будет».

Не менее активно реагировали на указ Берг-коллегии и промышленники. В фонде Берг-коллегии имеется три документа, поданные летом 1766 г. заводчиками И. А. Мосоловым, И. Б. Твердышевым и А. Ф. Турчаниновым³⁴.

Классовая солидарность промышленников проявилась в том, что они единодушно отвергали жалобы наемных.

Не встретило поддержки заводоуладельцев также выдвинутое Оренбургской губернской канцелярией предложение, одобренное Берг-коллегией, о том, что, прежде чем проводить наем, необходимо обнародовать «реестры», в которых излагались бы условия найма. Тогда нуждавшиеся в заработке люди сами являлись бы на тот или иной завод. В ответ на это предложение заводчик Турчанинов заявил: «Обзадаченные ведутся под караулом и ис под караула уходят, то возможно ль, чтоб кто сам собою пошел в даль и в глухие, несведомые места».

Наконец, промышленники настойчиво твердили об ущербе, который нанесет принятый Берг-коллегией порядок найма «всенародной пользе» и «государственному интересу». Мосолов писал, что его Капо-Никольский завод из-за действий Берг-коллегии уже уменьшил выпуск продукции: «В рудной воске воспоследовала остановка, отчего уже медеплавильные печки при том моем заводе, как ис присылаемых ко мне репортов видно, находятся более двух месяцев без действия». Здесь же Мосолов напоми-

³⁴ Там же, кн. 1265, лл. 541—550.

нал, чтобы ожидаемое уменьшение выплавки меди, а следовательно уменьшение доходов казны с его завода «к нерачению моему причте не было».

На заводах Твердышева и Мясникова выплавка чугуна и меди держалась в первое время на прежнем уровне, так как предприятия потребляли ранее заготовленное сырье. Подобно Мосолову, Твердышев и Турчанинов тоже уведомляли Берг-коллегию, чтобы она не обвинила их в «нерачении», если упадет производство продукции.

Мосолов и Турчанинов требовали «не только для пользы заводчиков но и к соблюдению казенного интереса вышеозначеннос в даче задаты запрещение отменить». Твердышев высказывался против обзадачивания и даже изъявлял готовность выполнить предписание Берг-коллегии на условии, что она проявит должное «попечение о приписке к заводам в шим в работе, по примеру прочих заводосодержателей, государственных крестьян».

Представления промышленников, поддержанные канцелярией Главного заводов правления, в конечном счете имели успех. «Показанные заводовладельцев резоны» Берг-коллегия нашла «справедливыми и сым делом сходными». В августе 1766 г. она вновь разрешила как обзадачивание наемных, так и отpravку для найма специальных приказчиков. Правда, все это было обусловлено различного рода дополнительными предписаниями, запрещающими злоупотребления. В прогивном случае заводчиков надлежало взыскивать «против получаемой ими чрез то к рысти втрое». Угроза штрафа была, впрочем, пустой отпиской; она сопровождала почти каждое распоряжение правительства, но не так часто применялась³⁵.

Указ о запрещении обзадачивать наемных и держать их при заводах с просроченными паспортами не уменьшил стремления заводовладельцев удерживать нанявшихся, если они не отработали полученного задаты. Об этом красноречиво свидетельствует донесение Оренбургской губернской канцелярии, датированное 31 августа 1766 года. Эта канцелярия летом 1766 г. организовала карательный отряд «по притчине учиненной злодеями-разбойниками» нападения на Троицкую крепость. Каратели увидели, что рапорты заводчиков о неукоснительном выполнении указа о недержании беглых были «недействительными». Было обнаружено «не малое число» заведомо беглых, беспаспортных и с просроченными паспортами, особенно на Богословском заводе Герасима Глазова. На этот раз Берг-коллегия, в порядке исключения, передала полномочия по выводу с заводов беглых и беспаспортных Оренбургской губернской канцелярии, которой было разрешено действовать в соответствии с указами о борьбе с беглыми, «не описываясь о том в коллегию»³⁶.

Характерно, что спустя много лет, в 1773 г., казанский губернатор Фонбрант, обращаясь в Берг-коллегию, писал, что владельцы заводов предоставляют приют беглым, дают крестьянам деньги «вперед за год больше и тем приведя их не в силу к зарабатыванию оных, имеют случаи удерживать в своих работах почти вечно». Это сообщение сановника показательно в том отношении, что оно отражало напряженную обстановку в крае накануне крестьянской войны. Беглые, по его словам, находили «безстрашное пристанище» летом на судах, а зимой на заводах, «отчего единственно ис тех беглецов и родятца воры и разбойники».

Документ Фонбранта существенно отличается от аналогичного документа, составленного 10 годами ранее оренбургским губернатором А. Путятиным. Если у Путятина проскальзывают нотки осуждения действий заводовладельцев, призыв поступать «добропорядочно» с наемными и «за работу их принадлежащую плату по чинимым с ними договорам»

³⁵ Там же, лл 558—559

³⁶ Там же, кн 1239, лл 240—263

платить без задержки, ибо они «крайнему разорению подвержены», то в сообщении Фонбранта мы ничего подобного не встречаем. В центре внимания казанского губернатора стоит полицейская забота о спокойствии вверенного ему края, «истребление по вверенной мне губернии воров и разбойников, также беглых разного звания людей их пристанищ». Если бы владельцы заводов поступали в приеме наемных в строгом соответствии с указами, «то б конечно воров и разбойников быть не могло или по меньшей мере не имели бы способу умножатца оные».

Страх перед растущим возмущением народных масс выпуждал Фонбранта требовать от Берг-коллегии, чтобы она «наистрожайше учинила подтверждение, дабы работников не только безызвестных и подозрительных людей, но и знаемых, а и с пашпортами, да просроченными... как на заводы, так и на суда отнюдь никто не нанимал»³⁷.

Порядки на Урале вызывали тревогу у Сената. Сенатский указ, изданный в самый каун крестьянской войны — 10 сентября 1773 г., констатировал, что татары, чуваш и мари (черемисы) «во избежание рекрутской отдачи без всякого от мирских людей вида уходят в Оренбургской и Сибирской уезды на заводы и, забрав у содержателей оных немало суммою денег, находясь там в работе года по два, по три и более в надежде той, что по неодаче их за забранные деньги с тех заводов могут они миновать рекрутской отдачи»³⁸.

Практика обзадачивания не прекратилась и после крестьянской войны 1773—1775 годов.

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд общих наблюдений.

Во-первых, представляется возможным уточнить термин «вольнонаемный работник», часто встречающийся в документах XVIII века. Формально считалось, что владельцы заводов обладали правом привлекать в принудительном порядке для работы в промышленности феодально-зависимое население. Одновременно они отвечали перед казной за неукоснительное выполнение этим населением различных повинностей. Что касается вольнонаемных, то на них юридически не распространялись права предпринимателей, и последние не несли за них никаких обязательств перед казной. Именно в этом смысле документы XVIII в. отличают наемный труд от труда принудительного.

Однако изучение конкретных фактов приводит к заключению, что этих формальных признаков недостаточно для того, чтобы полностью положиться на данные официальной статистики XVIII в., далеко не отражавшие действительное положение вольнонаемного работника на мануфактуре. Необходимо учитывать реально складывавшиеся отношения между работодателем и наемным в процессе производства. Опыт изучения отношений между промышленниками и обзадаченными работниками в металлургии свидетельствует о громадном влиянии внеэкономического принуждения.

В. И. Ленин вслед за К. Марксом считал внеэкономическое принуждение одним из существенных признаков феодальных отношений. «Формы и степени этого принуждения,— писал Ленин,— могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»³⁹.

Выше уже отмечалось, что обзадачивание наемных было формой их закабаления. Но кабала по своей сущности противоположна капиталистическому найму. Следовательно, рассмотренную форму найма в условиях XVIII в. следует отнести к явлениям первоначального накопления, то есть

³⁷ Там же, кн. 1334, лл. 386—387.

³⁸ Там же, кн. 1335, л. 239

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 159

к явлениям, предшествующим капиталистическим производственным отношениям.

Обзадачивание позволяло промышленникам держать заработную плату на низком уровне и использовать средства грубого насилия для удержания наемных на заводах. Не случайно данная форма найма получила наиболее широкое распространение во второй половине XVIII в. — то есть в то время, когда абсолютизм ограничил возможности использования принудительного труда в промышленности. Общеизвестно, что в феодальное экономическое принуждение по отношению к различным категориям полуневольных тружеников в промышленности было санкционировано феодальным государством. После того как было запрещено покупать крепостных к заводам и оставлять на мануфактурах беглых, непомнящих родства и незаконнорожденных, промышленники пытались обеспечить производство постоянными кадрами рабочих путем обзадачивания. Это был, конечно, паллиатив, весьма характерный для периода формирования капиталистических отношений в недрах феодальной формации.

При эксплуатации труда обзадаченных наемных промышленников удавалось достичь того положения, какое имели заводовладельцы, обеспечивая принудительной рабочей силой. Ярче всего это можно проследить на развитии заводов Твердышева и Походяшина. Обоим промышленникам сближала одинаково богатая рудная база производства, а также отсутствие приписных крестьян. Различие состояло в том, что Твердышев вместе со своим компаньоном Мясниковым широко использовал труд помещичьих крестьян, а Походяшин почти полностью основывал свое производство на наемном труде. Это, однако, не мешало преуспевать Походяшину в такой же мере, как и Твердышеву с Мясниковым.

Социальные последствия длительного пребывания обзадаченных, насильственно удерживаемых на заводах наемных сводились к тому, что они отрывались от привычных занятий в городе и деревне и в конечном счете лишались средств производства. Таким образом, система обзадачивания была средством экспроприации непосредственных производителей с одной стороны, и накопления капиталов — с другой.

Во-вторых, можно утверждать, что обзадачивание было повсеместно распространенной системой найма, к которой прибегали не только промышленники Урала и Сибири, но и заводовладельцы Европейской России. Характерно, что установившаяся в XVIII в. система найма рабочих людей сохранилась на уральских заводах вплоть до середины XIX века⁴⁰. Из этого не следует, однако, что обзадачивание давало одинаковые результаты во всех районах размещения металлургической промышленности. Если на Урале, в Сибири и Олонецком крае обзадачивание в большинстве случаев вело к длительному закабалению наемных, грубому произволу промышленников, о котором столь выразительно писали чиновники, анализируя причины крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева⁴¹, то в Европейской России, особенно на подмосковных заводах расположенных в гуще русского населения, оно, как правило, носило временный характер. Наряду с этой переходной формой найма здесь шире чем на Урале, был распространен капиталистический наем как свободная купля-продажа рабочей силы. Но, тем не менее, использование труда обзадаченных было более прогрессивным явлением по сравнению с принудительным трудом и означало известный сдвиг в сторону развития капитализма в России. Это была переходная ступень от феодальных отношений в промышленности к капиталистическим.

⁴⁰ См. Ф. С. Горовой. О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX в. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 78—79.

⁴¹ См. «Пугачевщина», Т. II. М.-Л. 1929, стр. 30.